

Татьяна Мудрая

МЕЧ

И ЕГО КОРОЛЬ

Татьяна Мудрая

Меч и его Король

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4925797

Аннотация

Мир Вертдома, коренящийся в прихотливой выдумке, сделался настолько сильным и влиятельным, что полноценное бытие огромной Земли-Рутена без него стало практически невозможно. Но некая сила отодвигает земли друг от друга и погружает границу между мирами в туман. И в головы наследников Филиппа, Армана и Хельмута приходит идея: взять одного из близнецов, рождённых королём Виртдома Кьяртаном, и по доброму согласию обменять на близнеца из земной пары. Так они думают заново связать большой и малый миры.

Весёлая история женитьбы юного короля на подневольной монастырской работнице предваряет основную сюжетную линию, куда более серьёзную и даже драматическую, – в которой описываются усилия во имя и против главного союза, а также нескольких второстепенных. И хотя миры вновь оказываются крепко связаны, их люди обретают желанную свободу и – что не так уж часто соседствует со свободой, – полноценное счастье.

Содержание

Вступление. Король и лаборанта	4
Камень Большого Орла	50
I	50
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Татьяна Мудрая

Меч и его Король

Вступление. Король и лаборанта

Я, Игна Стелламарис фон Торригаль, почетная кормилица детей царского рода (это чтобы не говорить «нянька») и супруга Верховного Конюшего, высокородного Хельмута фон Торригаль, начинаю эту короткую и трогательную повесть старинным слогом, в подражание доброму приятелю былых времен Оноре де Бальзаку. Поговаривают, что именно холодную плоть моего будущего мужа сей великий француз заправлял в свою знаменитую и прославленную другими литераторами – и в особенности литераторшами – трость. Не уверена в этом: по другим сведениям, они подружились не ранее, чем произошло известное путешествие известнейшего писателя в Россию, к своему ненаглядному Волчишке по имени Эвелина. Что до меня, тогда ещё, разумеется, незнакомой с возлюбленным моим супругом, – наша встреча с богом французской словесности была мимолетной, хотя весьма яркой: неким подобием метеора. Но это совсем другая история, чем та, которую я хотела вам поведать на этих страницах и которая касается отнюдь не Франции с ее Туренью, а моего любимого Вертдома.

Прежде чем приступить к основному повествованию, хотелось бы мне просветить читателя насчет политической обстановки в нашем воссоединенном государстве.

После окончательного размежевания малой и большой частей фрактала страна Рутен по самому свойству Филипповой книги не могла подсылать к нам недоброжелателей – только тех, коих выбирала сама эта книга.

Книга же Армана, куда как непростая, манифестировала полную разомкнутость и независимость обеих вселенных. И создавала тем самым новые острова в океане.

Мы, жители меньшего из островов, могли бы и сами восстановить прежнюю взаимозависимость Верта и Рутена трудом, аналогичным Филиппову, сделав её, то есть зависимость, куда менее кабальной. Однако писать повесть о Рутене, этой огромной и разнообразной земле, казалось нам трудоемким, неохватным и совершенно бесполезным делом. Он не стоил того, чтобы на него влиять, – ни кровью, ни плотью. Достаточно было с нас, что кое-кто из наших просветлённых проникал в Рутен ради своих смутных, хотя, надеюсь, благородных целей.

Миры были разомкнуты – однако не одарённые душой реальности, как и прежде, беспрепятственно проникали через границу вместе с избранными чтецами.

Однако я забегаю вперед.

После горького и в то же время достославного поединка отца с сыном, смерти отца-тирана в результате Божьего приговора, а также наказания, кое постигло юного победителя и отцеубийцу от человеческих рук, ба-нэсхин принца Моргэй-на ушли в море. По всей видимости, они были удовлетворены справедливостью «попирателей суши», ибо никакого возмущения новых подданных, что привел с собой покойный Мор, не последовало. Морской Народ, тем не менее, оставил в нашей истории несмываемый след. Ба-нэсхин оказались прекрасными наёмниками: их обыкновенно использовали для подавления «мятежных баронов» и против усилившейся рутенской контрабанды. Первое, по сути, и не началось толком. Зато второе никак не удавалось прекратить, потому что из не столь умелых иноземных рук дела эти перешли к новым вертдомским гражданам. И то, как велись эти дела, удовлетворяло буквально всех – кроме государственной казны.

В чем заключалась рутенская контрабанда? Отнюдь не в пустяках типа искусственных тканей, небьющейся и негоримой посуды, оружия, поражающего массы, и скоропечатных книг. Подобные игрушки рядовой вертдомец привык делать куда более раритетными и основательными. Нет: благодаря Морскому Народу процвёл и всё более ширился ввоз всяких железных и стальных механизмов, один другого хитрее. Прокру в том было нам вначале не так уж много: всякие шестеренки, кривошипцы, коленчатые валы и ременные передачи

сцеплялись внутри так хитро, что воспроизводить это было занятием крайне нудным, а добывать так называемые запчасти – весьма утомительным. Что составляло проблему для всех нас, женщин, стоящих у подножия трона. Причём проблему не меньшую, чем отсутствие должных поступлений в казначейство.

Ибо ещё живя в самом Рутене, я убедилась, что скопище хитроумно сцепленных друг с другом мелких деталей и деталей так же мало походит на дружественную человеку «вторую жизнь», как философия – на реальный мир, который призвана отображать и осмысливать. Для того чтобы вложить в неплохие по сути предметы некое подобие долгосрочной жизни и какой ни на то рассудок, необходим был ритуал наподобие того, что, в конце концов, сделал моего супруга Хельмута фон Торригалия разумным клинком-оборотнем. То есть напоить их некоторым количеством чистой крови.

Это, однако, не обеспечивало нашим железякам ни умения оборачиваться хотя бы зверем, ни особенной смыслённости. Даже и эти две вещи были некое время почти недосягаемы.

Но к делу. Мы и так уже слишком отвлеклись.

Итак, в один летний день прямо посреди широкого поля, окружающего одну из знаменитых франзонских дорог – тех самых, с кормушками для людей и их животных по бокам и трактиров «три звездочки» (в знак того, что они обеспечи-

вают любому постояльцу еду, постель и девицу в этой постели) — в тени своего скакуна спал всадник.

Конь был механический, однако не из тех навороченных байков, где изо всех пор торчат рычаги и прочие навороты. Вовсе нет: он имел приятно обтекающие формы без каких-нибудь излишеств, двойное, с перепадом высоты, сиденье было обито не грубой кожей, но мягким и прочным войлоком, а широкие подножки позволяли ездить на нем не только брутальному мэну, но и нежной даме. Фары, подфарники и тормозные фонари были покрыты изнутри слоем дорогой флуоресцирующей глины. Энергопитатели новейшей конструкции своим видом напоминали не стрекозиные крылья, а небольшую табличку для письма серебряным карандашом и были укреплены не как обычно, впереди руля, где они ухудшали аэродинамические свойства механизма, а торчком между обоих сидений. На рогах лихого механизма висел сферической формы защитный шлем, в конструкции которого также использовались новейшие вертские технологии. Честно украденные за рубежом.

Водитель сего замечательного транспортного средства всё время, пока мы его описывали, безмятежно дрыхнул в тоске тени мотора, надвинув на затылок свою черную замшевую косуху, рассеченную серебряными струйками зипперов. Длинная прядь рыжеватого оттенка, выпущенная на волю, расстилалась по всей куртке и ниспадала на тонкую луговую траву. Нечто странное повисло на дальнем конце полураспу-

щенной косы, но что именно – разглядеть никак не удавалось.

Тем более что безмятежность полуденного отдыха прервали резкая барабанная дробь, лязг и скрежет двигателя внутреннего сгорания. Прямо по свежей полевице проехался бойкий двухколесный тракторишко с прицепом и жестяными флягами в нем; трепыхнулся и застыл прямо у ног байкера.

– Эй, ты чего тут делаешь, сэнька?

Всадник пробудился как-то враз – и открыл глаза того чудесного аквамаринового оттенка, который бывает присущ только едва проклюнувшейся траве.

– Загораю. Не видишь, что ли?

Меццо-сопрано говорившего отличалось некими глубинными обертонами: почти что контральто.

С тракторного седла на него взирал долговязый подросток в одежде монастырского послушника: дряхлая ряска с засученными рукавами и откинутым назад капюшоном, штаны в пятнах грязи, заношенные вдребезину носки с подшитыми подошвами. Тщедушный, белобрысый, востроносый и востроглазый.

– Нашел занятие, называется. Давай-ка завязывай с воздушными ваннами. Тут вот-вот коровье стадо будет во главе с быком лучшей бойцовой породы. Спиртяги тебе не влить по этому случаю?

– У меня соляр, не видишь, что ли, – байкер неохотно при-

поднялся на локте. — Вон, в траве лежит.

— И такой вот здоровущий белый слоник на одной солярке гоняет? Это ж четыре часа подряд на средней скорости — и кранты.

— Это не слон, а кит. Ба-фарх, — мягко поправил байкер. — Восемь часов без перерыва на четвертой рассекать, а то и все десять.

— О-о, тогда ясно. Ихней водяной породе горячего и в самом деле не нужно. Как зовут-то?

— Белуша. У ба-фархов три вида: афалины, косатки и белухи. Знаешь?

— Грешу немного по малолетству чтением подобных книжек. Оттого сейчас и кручу коровам хвосты.

Со стороны казалось, что оба немного спятили. Однако беседа двух дебилов означала всего-навсего то, что трактор послушника или, пожалуй, монашка работает на техническом спирте с подсадками, а мотоцикл его коллеги — на новейших солнечных батареях. И что та из двухколесных животин, которая происходит от сухопутного предмета, заведомо тяжелее на ходу, чем биомеханический дельфиноид.

— А мой безымянным ходит — то есть катается. Водяру потребляет и от ухи по временам бывает не против. Но воздуха не портит. Так ты вот чего: давай ко мне чалься. Я тебя поближе к столбовой дороге подтяну. Канат имеется?

Этот предмет тоже носил на себе явный след элитарности: скондийский шелк был скручен вместе с паутиной, ко-

тору готийцы изловчились добывать от ручных птицеведов. Послушник набросил петлю каната на крюк, мотор снова затарахтел, и тройная сцепка двинулась прочь, разбрызгивая влажную землю.

– Богато живешь, – кинул послушник через плечо. – Ари-сто?

– Угм. Отчасти.

– По отцовской линии, наверно?

– Угм, – снова пробурчал байкер с чуть меньшим азартом.

Последнее междометие заглушили дребезг тракторного тела, в котором внезапно заглохла жизнь, и нечто, весьма похожее на краткую ругань. Водитель спрыгнул с седла, подошел к товарищу по несчастью:

– Надорвалась колымага. Бывает с ней. Ничего, охолонёт и пойдёт, а мы сейчас и на руках дотянем. Ты, дева, подожди, пока веревка натянется, и толкай своего под ж... хм, нижний бюст, а я направлять стану.

Завел хилое плечико под раму переднего стекла, раскачал корпус, поднатужился – и импровизированный поезд медленно двинулся к назначенной точке.

– Вот теперь никакие скоты нам не страшны. К самой дороге они не лезут, обучены.

– Сила в тебе, однако. Ба-инхсан?

– Поганая капля.

Оба спешили и почти рухнули рядом на обочину.

– А ты храбрый чел. Одному и близко от монастырских

стен страховито – там же внутри бабы одни.

– У меня защитник имеется.

Байкер неторопливо переплетал косу. Дошел до самого конца и показал украшение: изящный кинжальчик в ножнах, с ремешками, которые вплетались в волосы. Затеяливая гарда была выполнена в виде хулиганской мальчишеской рожцы с волосами, поднятыми кверху.

– Ух ты какой. Настоящий? Покажи.

Байкер вынул клинок. Это была так называемая вороненая сталь – с игрой всех оттенков серого. По обеим граням вились черные змеи, чьи головки соприкасались с шевелюрой мальчика и как бы вплетались в нее.

– Экстра-класс. Ты его зовешь как-нибудь?

– Бьёрном, – ответил байкер. – Или Бьярни. Полное имя Бьёрнстерн. Ужас, правда?

– Ужас как жарко сегодня. Не хотите ли, монсьёр, молочка? Прямо со свинофермы.

– Разве свинское молоко пьют?

– Нет, конечно. Поросенок им выпаиваем от другой мамы. Чуть не съела, видишь ли. Это вон тот бидон, поменьше. Самих деток от греха подальше одна из сестер нянчит – жуть какие элитные. А прочее молоко от нормальных коров, что кстати рядом паслись.

– Знаешь, а давай. Тебя как зовут?

– Зигрид. Коротко – Зигги. Вестфольд. А тебя?

– Кьяртан. Тоже, знаешь, оттуда родом. Ну, наливай на

брудершафт, земля.

Оба черпнули прямо из открытого бидона, отсалютовали посудой. Байкер опрокинул в себя кружку и стал хватать молоко жадными глотками, двигая кадыком.

– Кьяртан ведь... мужское имя, – внезапно говорит Зигги. – И клиночек у тебя боевой. Такие своей кровью полагаются оживлять. Коса тоже военная...

– А как же еще... Ой.

Кьяртан повернулся к собеседнику и оглядел того заново – от неряшливой стрижки до задубевших пяток.

– Ты ведь тоже не он. Зигрид, а не Зигфрид или Сигурд. Девчонка.

– Ну. Открыл Рутению через фортку – туман густой на полз.

– То-то про женщин распиналась. Какой кластер-то?

– Босоногих клариссинок. Знаменитый. Новейшего помола. То есть набора.

– Знаю. Целых четыре обета: послушание, бедность, стойкость и целомудрие. И как ты с ними обходишься?

– С первыми тремя – просто. Слушалась ещё предков, хотя они были жуть какие. Маманя – ну она только что дома почти не появлялась, а так ничего. Золотошвейка священных покровов. Ценный и незаменимый кадр. А папаня, он у нас вначале классный столяр, а позже золотарь был – как бухнёт, так сразу за мной вдогонку. Лет с пяти отодрать хотел. Одно было спасение – встречной монашке в юбку ткнуться.

Монашки меня и забрали, в конце-то концов, когда до обеих сторон, наконец, дошло... Бедность – а я просто ничего, кроме неё, не знаю. Уютная вещь: ничего лишнего под ногами не путается. Стойкость – это в испытаниях. Даже весело, когда дождь со снегом или гром гремит, а ты стадо в коровник загоняешь или там строптивую кобылу заезжаешь под самую мать аббатису. Но вот с целомудрием у меня вышел прокол.

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно. И с чего я так при дворянине язык распустила? Молочко, видать, от бешеной коровки было... В общем, ладно. Видишь, постриглась я уже. Не зря ты обознался: послушниц едва не понуждают с долгим волосом ходить, чтобы могли назад в мир легко вернуться. Я ведь к тому же от обоих конверсов родилась, прикинь? В монашки легко отпустят, а на волю выкупайся за себя и за того родителя, что драгметалл только в выгребной яме и видит. Мать-то у меня самостоятельная и свободная уже. А потом один заезжий парень меня шибко поманил.

– И – того?

– Не «того», а «итого». Уломал расстричься, женюсь, говорит, и выкуп заплачу. На черта я ему сдалась? Пари держал? В общем, кинулась в ноги аббатисе, а она говорит: «Путь нарушится по вине твоей, и не один твой, но общий. Сначала епитимью выдержишь, потом в изначальное состояние вернешься, а если твой совратитель и тогда от тебя не откажется – женись».

– А он что?

– Ясен пень. Как узнал, что за мой проступок выкупа не положено и он сам через меня конверсом станет, вмиг слинял. Я еще как следует после порки не отлежалась.

– Ох. Это епитимья такая была? И сильно тебе врезали?

– Да нет. Больше для порядка. Сестры не хотели, чтобы шрамы остались, уж коли я в невесты подалась. Вот целебная мазь – она была шибко едучая.

– Конверс... Это еще что? Погоди.

Кьяртан засучил рукав ее ряски.

Серебряный браслет с выпуклым гербом и небрежно процарапанными словами «Зигрид Робашик» плотно сжимал правую руку девушки.

– Оно и есть, – кивнула Зигрид. – Пометили. Запаян намертво тем же металлом, да еще отполировали поверху. Говорят, в одной рутенской стране так жен метят, только кандалы стеклянные. Вдова их не снимает, а бьет – вместе со своей жизнью.

– Конверса. Мы в цитадели говорим – лаборанта. Рабыня почти. Я не думал.

– Да где уж тебе думать. Моим предкам кредит дали неподъемный, а отец его пропил или там в кости продул. Но я не в обиде. Из-за того парня мне лучше одно серебро на запястье носить, чем десяток золотых штучек в пальцах.

– У меня тоже с родителями напряг, – вздыхает Кьяртан. – Отца не знал вовсе. Мать, бабка, гувернантка... Все краса-

вицы, отличницы, умницы. Волевые до дрожи в членах. Бабка мамы на год моложе, представляешь?

– Бывает. Двоюродная?

– Родная. А нянька – из самой лучшей мире нержавеющей.

– Круто. И кинжальчик еще... Живой, верно?

– Дурак я был. Собственно, он такой и родился, только его еще к хозяину привадить надо было. Мне лет пять тогда не днях исполнилось: хочу, говорю, его в подарок на день-рождение. Что уж они-то по своей природе не дары, не рабы и не слуги...

– Спасибо.

– Ой, прости. Забываю. Так вот я взял его, когда в доме никого из моих теток не было, вытащил из одежек и полоснул себя прям по вене. Он проснулся, перевернулся – и ка-ак заорет! Народ мигом набежал, только всё равно я еле живым остался.

– Повезло.

– Мама Эсти говорит – оттого, что морская кровь солонее прочих.

– Постой-ка снова...

Зигрид приподнялась со своего места, выпрямилась.

– Одежки и мотор сильно прикольные – ладно. Имя – в год после рождения на высоком помосте Кьяртаны шли через одного. Кровь ба-инсхана и сплетение верных человеческих кровей. Эстрелья, Библис, Стелламарис. Сопроводительницы. Правильно? Живой клинок – побратим только одного

аристо на свете. Самого главного. Ты, милый, не аристократ, а гораздо хуже. Ты сам молодой король.

Это прозвучало как приговор.

– Ну, поймала меня, – Кьяртан печально вздохнул. – Только к нормальному человеку пристроюсь, только в доверие войду – хлоп, и всё прахом. А что мне проку в этом королевстве? Ха. «Кьяртан для Кларента». Точно. Либо в руки вложат, либо самого под него положат. Если не оправдаю доверия. Были прецеденты, знаешь ли.

– Не так страшно, положим. Время мирное...

– Король неженатый....

– Это тебя так беспокоит?

– Как свеженький чирей. Восемнадцать позавчера стукнуло, молебны за моё здравие слышала, наверное? Вот. И говорят мне три наших парки, или грации, или ведьмы на перекрестке дорог, что по мне давно уж венец плачет. Королевский тире свадебный. Править холостому по новым указам не дадут. Наследника им обеспечить с гарантией. И ладно бы...

– Так силком заставляют. Сочувствую.

– Говорят, всем живется плохо. Кому супчик жидок, а у кого жемчуг мелковат.

– Это не про тебя сказано, не беспокойся. И не про меня. Клариски сами кушают жиденькое и постное, но для работников физического труда жратву варят – ложка колом стоит. И повариха у них отменная.

– Так что ты вообще-то судьбой довольна, – наполовину

утвердительно спросил Кьяртан.

– Ну, если не считать отсутствия потной грелки под боком. Счастье ещё то, на мой взгляд. Причём ведь меня по сути силком имеют право с породистым самцом свести. Мягко так намекнуть на неизбежность послушания.

– Тогда... Как ты отнесёшься к одному предложению?

– Какому?

– Сначала скажи. Аббатиса ваша ведь почтенная Бельгарда?

– Ну конечно. Твоя сводная сестра. Или тетка – это с какой стороны посмотреть.

– Фигура из того же набора, правильно? Не погляди, что такая вся из себя благодная.

– Угу. Мимо правил – ни-ни. До сих пор как вспомню, так вся шкура свербит.

– Ну вот. Я иду сейчас к моим людоедицам и докладываю, что в странствиях своих отыскал себе невесту. Как в сказке положено. И ни на ком больше не женюсь, хоть и впрямь меня убейте.

– А невеста – это я.

– Вот кого не хотел бы в жены – это такую редкую умницу. Верно! Ты некрасива...

– Спасибо ещё раз.

– Не перебивай. Я только стараюсь глянуть на дело объективно. Их глазами. Слишком хорошо разбираешься в этой грязной новомодной технике... На редкость независима во

взглядах...

– А они этого факт не потерпят.

– И к тому же какой из меня крепостной? Мне править надо, а не быть управляемым. Положим, я за тебя выкуп аббатисе предложу.

– А у тебя личные финансы имеются?

– Вот и она то же тебе скажет. До полного совершеннолетия – нет. Двадцать один год как штык – тогда пожалуйста. Однако если ты захочешь независимости ради покоя в твоей душе или вклад за себя сделать пристойный....

– Ну? – заинтересованно спросила Зигрид.

– По сугубо неофициальным каналам, – озорно ухмыльнулся Кьяртан. – Последний зуб даю. Мудрости. Один из двух уже рванули.

– Ладно, верю, допустим. И что?

– Давай заключим с тобой наступательно-оборонительный союз. В пользу нашего обоюдного безбрачия.

– Мне-то что с того за навар?

– Смотри выше.

– Это ж целая куча бабок. Откуда у тебя?

– Не бойся. Главное в смысле бабок, чтобы тетки о них не пронюхали. Договоримся – посвящу в тайну. По рукам?

– Э, а как же свидетели?

– Так согласна?

– Девушка кивнула.

– Бьярни! Ты нас слышал? Покажись-ка.

Кьяртан приподнял и отставил в сторону конец косы, и удивленная до крайности Зигрид увидела на конце ее как бы светлое мерцание. Оно поднялось столбом, уплотнилось – и оборотилось хорошеньким ребенком лет пяти от силы. Рыжие кудри, очень бледная кожа, а выражение мордахи – ровно такое, как у личинки на рукояти кинжала. И голый, как ангелок... или амурчик.

– Слушаю и повинуюсь, шефуня.

– А что до того было говорено – тоже слышал?

– Так, словно сквозь крепкий сон.

– Значит, от слова до слова. Я тебя давно раскусил. Тогда давай гони назад в свои ножны. Клятву с нас снимешь по установленной форме... Или нет, я тебя сразу в руку приму.

В ту же секунду юноша ухватил кинжальчик за рукоять.

– Давай твою мозолистую десницу. И не бойся, это почти не больно.

Он крепко уколол Зигрид безымянный палец на правой руке, потом себе – на левой. Соединил пальцы.

– Теперь Бьёрнстерн знает и хранит нас обоих. Замётано?

– Замётано.

Ну, далее следует история о том, как нас четверых усмиряли, взнуздывали, показывали фигу с маком и дулю в сиропе, вываживали на леске, как щуку, прогуливали на корде, точно лошадь, и поддегивали на лонже, будто неисправного акробата. Во всем этом ассортименте укрощения строп-

тивных наш королек поневоле знал толк. Ну, только и мы все тоже. Ибо противостояли ему отнюдь не олухи, а такие же знатоки человеческих душ, весьма поднаторевшие в его личном королевском воспитании. И к тому же – весьма недоверчивые.

Безусловно, такие пройды и хитрецы, как наши милые дети, мигом сообразили, как сноситься с прекрасной монашескующей дево́й, и никогда не предпринимали последующих шагов, не дождавшись результата первых. Кинжальчик так и шнырял между заговорщиками: он мог передвигаться в дружеском багаже почти незаметно, особенно если сменить ножны и кстати еще наверхше. Ограненный топаз в рукояти – плод неких неизвестных нам махинаций – уж слишком бросался в глаза. Особенно когда, намертво прикрепленный подобием булавки, сиял на вороте детской рубашонки, подобно звезде первой величины.

Кстати, про тот эпизод с моими детками. Наш Бьёрн родился в один из тех дней, когда мы с мужем соединялись в Торстенгаль, и как бы отщепился от нас при разъединении. Мы даже сомневались, что он умеет оборачиваться человеком, так что не очень и возражали, когда малыш Кьярт внаглую пожелал его присвоить. Только что просили подождать немного. Но когда это наш король кого-то подобру слушал? Так вот: то, что наш недоумок порезал, было вовсе не запястьем, как он пытался внушить доверчивой девице, а куда более широким венозным руслом в паху. Как сейчас помню:

лежат оба младенца в кровавой луже, будто один только что из мамочки, а другой его вот прямо теперь из себя родил, и оба ревут благим матом. Страх да и только. Зато и союз невольно скрепили чем-то получше сургуча и воска. Ибо что может быть невинней, чем телесная жидкость ласкового пятилетнего дитяти, что уже месяцев с двух приноровился сосать двух маток: кормилицу и собственную матушку Эстре?

Ну конечно, мой медведик и в самом деле был на нас во всем похож. Только именно благодаря побратиму та его порода, которая до поры в нем дремала, проявилась так отчетливо, да и обоюдная привязка оказалась на диво сильной. Несколько позже это навело обоих малолетних прохвостов на некую мысль...

Но я снова забегаю вперед и отклоняюсь от основной линии повествования.

Сейчас. Объясню только, почему мой личный сынок дорос до тринадцати, но по-прежнему имел телосложение пятилетнего ребенка. Оттого, что его даятелю крови было ровно столько, вот и всё. И потому, что тело у нашей породы растет куда медленнее ума, а старится... Старится вообще непонятно как. Не имели возможности наблюдать.

Итак, наш Кьяртан высказался начистоту не сразу, а, как мы догадались потом, почти одновременно с тем, как его сообщница доложила своей аббатисе. Дабы никто из нас не донес всем прочим.

В один прекрасный день, вернее, утро, король вызвал

нас на себя и с сокрушением в наглом взоре сообщил обеим мамочкам, рядом с которыми совершенно случайно оказалась и я, что отыскал себе суженую, причем именно такую, какую мы для него хотели. Не из знатного дворянского рода, который может претендовать по сей причине на сочный кусок власти, девственно непорочную, латентно плодовитую, с живым умом и условно образованную. (Мы заподозрили, что последним он не интересовался вообще. А если интересовался – какой же тогда он влюбленный?) Что же до выкупа за кровь первой брачной ночи (хорошая скондийская, франзонская, да и рутенская традиция), то он немалый, разумеется, но с нашей и Божьей помощью он, Кьяртан, это преодолет. Если же мы ему в чем-либо воспрепятствуем, то нам не стоит более затруднять себя поиском королевской невесты.

– Вообще-то наглость рассчитывать на деньги государства, – ответила ему Эстрелья. – Они и сейчас не твои, и когда по истечении трех лет окажутся в твоём распоряжении, всё равно таковыми не станут.

– Милости прошу от вас, а не жертвы, – почти серьёзно процитировал Кьяртан великую Книгу.

На вопрос об имени и прозвании девицы Кьяртан отвечал, что не знает всего, однако близкие именуют ее Зигрид Пастушка, ибо это не кто иная, как даровая работница по скотской части в монастыре босоногих клариссинок, которых в простом народе зовут бельгардинками.

– Это в том самом укрепленном монастыре, где главная

ставка твоей дочери, Библис, – осенило Эстрелью. – Видела я ее однажды, эту Зигги. Отменная наездница и первоклассный конюх. Между делом забавляется и селекцией высокоудойных коров. Кьяртан, а как, по-твоему, красива она, твоя... хм... избранница?

На что Кьяртан ответил, что считает подобное заявление прямым вызовом и что он вовсе не заморачивался подобной проблемой. Девушка как девушка, только что очень на парня похожа. В самый для него раз, в общем.

Мы, признаться, немного испугались – ибо хотя он, конечно, был еще тот хитрюга, но любая его хитрость была склонна плавно перерастать в романтическое чувство. Нечто подобное прямо-таки просвечивало сквозь его наигранную страстность, так ловко сдерживаемую... Или мы преувеличили?

Да уж, Кьяртан нас порядком удивил, чтобы не сказать обескуражил. Больше всего в этой истории поражало то, как резко наш непробиваемый и принципиальный девственник соизволил впасть в страсть и попасть в масть. Он, естественно, упоминал себе в оправдание знаменитый «coup de foudre», то бишь, «удар молнии». Эта идиома подразумевала нешуточную влюбленность и более всего напоминала мне те многочисленные увёртки, на которые наш король был горазд с самого своего безоблачного детства. Приспичило – и хоть ты тресни. Только вот любовной тяги сие отнюдь не означало: ибо разве наш инфант террибль когда-нибудь

влюблялся в нечто более мягкое и податливое, чем его ручная Белуша? Однако ведь всё бывает в первый раз. И даже иногда в последний и вообще навсегда.

Что до его, так сказать, наречённой...

Умница-разумница Зигрид улучила удобный момент, когда Бельгарда решила собственноручно проследить, как обихаживают ее драгоценную кобылу необычной масти – соловую с почти белыми гривой и хвостом и вдобавок такую же голубоглазую, как «изабелловые» кони – отчего вышеупомянутую кобылу прозвали «Хрустальные Глаза». Отменной красоты и совершенно отвратительного и непереносимого нрава, как и все любимцы и любимицы.

Отбивать денники строптивых кобыл у королевской невесты получалось несколько не хуже, чем крутить бычьи хвосты, так что преподобная мать взидала на дела лаборантских рук с удовлетворением. Улучив минуту, когда в их сторону никто не глядел, девица учтиво поклонилась и сказала настоятельнице, что ее девства снова домогаются, причем сугубо – и человек вполне знатный.

– Тут не время и не место обсуждать подобные вещи, – обрезала ее Бельгарда. – Переоденься в чистое и приходи ко мне в приёмную – скажешь, в чем твоя нужда. Да не медли – у меня только час полуденного отдыха перед обыденными трудами. Цифры эти... Сводки...

К объяснению последних слов присовокупим, что из нашей кроткой и светлой Беллы постепенно образовался неза-

урядный политический и финансовый деятель.

Итак, Пастушка второпях ополоснулась из питьевой колоды, нарядилась в целое и чистое, то есть в парусиновую рубаху ниже колен с пеньковой опояской, такие же штаны и крепкие башмаки, которые успели окунуться в навозную лужу лишь единожды.

Бельгарда ждала ее в приемной и сразу же указала на одно из кресел. Надо заметить, что комфортностью эти сооружения были ничуть не лучше сенаторских курульных кресел, хотя и сотворены не из камня, но из несколько более мягкого дерева. Я так понимаю, мореного дуба.

– Ну, говори, – начала аббатиса. – С кем это вы стакнулись этак скоропостижно?

– Мать аббатиса, – отвечает Зигги сокрушенно, – он из таких, коим и захочешь – не осмелишься отказать.

– Ну?

– Ваш племянник.

– Кьярти? О-о.

– Да. А противиться королю – значит сотворить бунт и проявить сугубое неповиновение Богом данной власти.

– Нет, правда?

– Мать аббатиса, кто и когда осмеливался вам лгать?

– Я про иное. Про послушание властям. Про то, что ты не объяснила ему толком и во всех деталях. Ведь насчет смелости... вернее, наглости и склонности к бунту...

– Мать аббатиса!

– Он что, прямо-таки возжелал этого? Ну, в твое кабальное ярмо вместо обручального колечка влезть?

– Господин наш король намеревается меня выкупить.

– Я так думаю, ты ему доложила, что кроме долга родителей, даже если не считать процентов... ладно, время принадлежит Богу, и не к лицу монахиням на нем наживаться. Что не денег мы хотим в прикуп, ибо живой человек несоизмерим с мертвым золотом. Что помимо всего король должен будет возместить нам то классическое, духовное, физическое и метафизическое образование, коему тебя подвергали начиная с пяти лет и вплоть до того времени, когда тебе вздумалось ограниченно приложить свои элитарные знания к практике.

– Нет пока, святая мать. Не доложила. Однако он понимает, что – при любом раскладе – придется ждать не менее трех лет.

– Его это устраивает, получается. Надеется на вольный выпас, пользуясь твоей терминологией?

– Нисколько. Мы вполне согласны на сговор. Обручение. Сокровенное таинство. Белый брак. Это же его не закабалит и меня от вас не уведет?

– Да кто ему позволит венчаться с простолюдинкой! – голос Бельгарды нарочито гневен.

– Святая мать, я ведь вполне осознаю, что жирен сей кус не по моему постному мужицкому рылу. Просто докладываюсь вам, как рядовой маршалу.

– Так хочешь от нас уйти?

– Я хочу свободы, чтобы решить, – отвечает Зигрид совсем бесхитростно. – Пока я связана обстоятельствами и не от меня зависит – уйти или остаться. Или уйти, чтобы остаться.

– Снова ты за прежнее. Краеугольный камень в мозаике вдруг заявил, что уходит, – а вы, если угодно, можете вставить булыжник вместо драгоценной яшмы. Вот как это называется.

– Да, мать аббатиса, если вам угодно.

– Знаешь, мне было угодно сделать тебя своей преемницей. Всегда. Почти что с того самого дня, когда мы защитили даровитую малышку от похоти ее мерзкого папаша. Прости... Не нужно было апеллировать к твоей чувствительности.

Аббатиса кивает на прощанье, и Зигги точно ветром уносит прочь из залы.

Вы, мой читатель, уже, может статься, почувствовали внутри этих пространных и престранных рассуждений наличие скользкой темы. Хотя да, вы уже мельком предупреждены самим Кьяртаном... И моей фразой о топазе...

Дело в том, что с не очень давних пор всё мудреное рутенское железо должно было подвергнуться инициации – иначе на него никто в Верте и смотреть не хотел. А это значит – покрестить его кровью владельца или некоей особенной кро-

вью: невинной и одновременно искушенной. Короче говоря, они оба – мой сын и сынок Эстрельи – приловчились добавлять внутрь мотора или чего там еще – малую каплю своей смешанной красной жидкости. (Позже многие, отчасти пережив эту магию, проделывали подобное с горючим уже своей личной кровью, но такое надобно было совершать регулярно.) В результате подобной алхимии предметы и механизмы, разумеется, не становились живыми и даже разумными, однако крепили телесно и начинали заметно тяготеть и к обоим крестным отцам, и к своему личному человеку. (Похожий феномен был отражен в культовом фильме рутенца Гайдая – в той сцене, когда упрямый дряхлый грузовичок сам заводится, чтоб последовать за красивой девушкой.)

Итак, наш Кьяртан продавал свою кровь, как солдат, – но гораздо успешнее. Ба-нэсхин ему полностью доверяли. Живой кинжальчик служил незаменимым помощником и гарантом. Между прочим, Бьёрн вовсе не претендовал на какое-либо особенное влияние: просто работал, как нынче говорят, на подхвате.

(Укротители железа, понимаешь. На мамушке Стелламарис и мамочке Эстрелье напрактиковались.)

В конце концов, наша сладкая парочка добилась того, что самая элитная и отборная рутенская контрабанда шла от ба-нэсхин прямым путем к ним и уже оттуда – ко всем прочим грешникам. Биоты (так это стало называться) получались у них отменные, хотя патента закрепить за собой им не уда-

лось. Что поделаешь – не водится такого зверя в Вертдоме.

Зато белуши всякие водились – и насторожило нас с самого начала именно это. Мы никак не могли объяснить себе, зачем ба-нэсхин вручили королю живую драгоценность – механизм, впитавший в свои поры, помимо Кьяртановой, союзную кровь по крайней мере сотни лучших морских бойцов обоего пола.

Что, вы говорите – дар, достойный повелителя? Вот именно. Помалу, потихоньку, тихой сапой – и незаметно для нас всех король сделался цыганским бароном. Принцем морских и заморских беззаконий. И окончательно докопались мы до этого лишь когда стали чинить форменный розыск по поводу скороспелого королевского согласия на выкуп дорогостоящей невесты.

Нет, всё его плутовство могло быть пожарено и на чистом сливочном масле от любимой Зиггиной буренки (а и холестерину же в нем, однако). Но вот не было. Кьяртан мог честно стремиться порастрясти чужие денежки, своих подкожных у него вполне могло и не накопиться... Мало ли что. Как результат – мы с Эстрельей и Библис были весьма благодарны нашему родимому корольку за невольное саморазоблачение.

Насчет предполагаемой всевертской королевы мы, разумеется, также навели подробнейшие справки и уяснили себе, что лучшей пары Кьяртану нам не привиделось бы и в вещем сне. Только сомнительно, чтобы он это как следует

заценил...

Лишь когда наша розыскная работа пришла к полному завершению, мы вызвали обоих наших детищ на ковер. Был такой на женской половине дома – лучшей скондийской работы, тысяча с чем-то завязанных вручную узелков на метр квадратный. Истинное воплощение наших натур. Этюд в багряных, черных и белых тонах.

И сказали прямо:

– Вот что, любители отходно-доходных промыслов. Мы вас вычислили и просчитали. Торгуете собой по всему Верту вы почище, чем Дочери Энунны. А теперь либо ты, Кьяртан, женишься и отдаёшь все нажитое тяжким несправедливым трудом аббатству нашей Бельгарды – либо тебя будут судить за кражу высоких технологий и промышленный шпионаж в особо крупных размерах. Да и за то, что королевскую кровь попусту транжиришь, а она, кстати, является общим национальным достоянием. Сам понимаешь, насчет суда – не очень-то шутка. Прецеденты казни венценосцев имеются в достаточном количестве, что у нас, что в Рутене. Да тебя и тяжкий венец пока не защищает. Что до Бьёрна, то его, скорее всего, простят как несовершеннолетнего и отдадут на поруки родителям. То есть Тору и мне.

– Я не хотел торопиться, – пробормотал главный виновник. – Зигрид... ну, она не совсем бы вам подошла, по правде говоря. Незнатная вовсе.

– Кому это – нам? Бывшей укротительнице плотских недугов, отставной жрице любви и коварной ведьме? – отчеканила Эсти. – Не валяй дурака где попало, если не хочешь сам в том же дерьме изваляться. Родословие придумать... отыскать при желании – пара пустяков. Вот образованность не подделаешь и царственный характер не привьешь.

– Я думал, вам по нраву будет красивая... – промямлил он, чем с головой себя выдал. Вторично.

Потому что если кавалер не считает свою даму красивейшей из женщин, если он хоть немного да объективен...

Врёт он. И ясное дело, зачем, холостяк огнеупорный, девственник ненатуральный.

– Некрасивых среди нас нет, – мягким кошачьим голоском ответила Библис. – Как среди хороших самоцветов нет таких, чтобы не принимали в себя игру, будучи правильно поставлены ювелиром.

Последняя фраза навела нас на некую каверзную мысль. Чисто женскую.

Но об этом позже. Сначала приведем разговор великой и ужасной матери аббатисы с ее упрямой протеже.

Когда Зигги в очередной раз предъявили светлым очам досточтимой Бельгарды, она отчего-то оказалась не в своем обыкновенном рубище, но в очень даже пристойной блузе и длинной юбке. Крепкие башмаки на ней тоже имелись: очевидно, собралась надзирать за случкой призового жеребца и одной из дочек кобылы Хрустальные Глаза, а это такое вол-

нительное занятие, что ноги тебе оттопчут в единый миг.

Аббатиса смерила ее длинную, нескладную фигуру одним взглядом и сказала:

– Свершилось. Короля вконец раскололи, и теперь он согласен пожертвовать ради твоего освобождения и вящего процветания нашего монастыря все нажитые человеко-машинным кровосмешительством капиталы. Те самые, кои он и сулил тебе. Не для того, надеюсь, чтобы увидеть ускользающий хвост ящерицы, которая юрко шмыгнула в кусты. Так что ты свободна... выйти за него замуж и стать нашей и моей повелительницей.

Зигрид не удержалась: ойкнула.

– Мать пресвятая! Я же...

– Знаю, лгунья ты бессовестная, – ответствовала Белла на редкость мягко и сердечно. – Посмеяться решили над моими сединами?

(Надо сказать – редкими, в отличие от основной массы белокурых волос, подстриженных плотной шапочкой. Ни того, ни другого здешний народ практически никогда не видел под тугой повязкой. Монашеский устав не позволял.)

Зигги с неким сокрушением произнесла:

– Я ведь... я только хотела остаться здесь навсегда.

– И когда эти... куры привозному архитектору строила?

Молчание.

– Вот что. В инокини не одних девственниц берут. Разные бывают монастыри. А тебе не грех и попробовать, что такое

настоящий мужчина, если уж Всевышний сам к этому подталкивает. Что такое женщина, я тебе, увы, не могу ни показать, ни даже намекнуть. А это значит, что настанет день, когда ты будешь биться о стены своей любимой клетки.

– Клостера или брака? – приоткрыла наконец рот наша Зигрид.

– Да считай всё едино.

– Вы меня продали. Точно простую лаборанту.

– Именно. С большой прибылью, а может стать, и с убылью. Говорят, что король не склонен решать вопрос о бенефициях и делении на диоцезы в пользу матери нашей, нохрийской церкви. Ибо под ногами у него путается еще невесть сколько религий.

– Наверное, мне придется слушать теперь одного моего владыку.

– Я думаю, ушки у тебя чуткие, а норов покладистый. Так что ступай с миром, дитя мое, и отныне мойся каждый день с самым дорогим мылом и умащай свою плоть наилучшими ароматами. Благословляю.

Вот так мы постепенно и подтаскивали наших деток друг к другу, не щадя ни себя, ни их.

Когда мы до конца деморализовали и выпотрошили Кьяртана, а заодно и лукавца Бьярни, Эстрелья сказала сыну:

– Так как ты проявил себя как послушный мальчик, то заслужил награду. Негоже венчать короля с той, которой он

ни разу не видел как следует.

– Да знаю я ее, – пробурчал король. – Как облувленную. Одного раза с лихвой достало.

– Никто не знает женщины до конца, пока она сама не захочет открыться, – философски произнесла Библис.

– И к тому же мы не ортодоксы какие-нибудь заскоружлые и замшелые, чтобы вслепую новобрачных потомков сводить, – заключила я. – Существуют всякие красивые обычаи: Разверзание Покровов, Счастливое Предзнаменование, Благоприятный Взгляд... Со времен достославного царя Ашоки. И какой ты сам царь, если обычаи с самого начала нарушаешь?

Как на фронте говорят, пустячки махнем не глядя, но главный товар покажем лицом, чтобы купца раззадорить.

К тому времени мой милый Торригаль уже спутешествовал на Елисейские Поля, договорился там с кое-каким даровитым народом и выправил всем им выездные визы, а также получил горячие уверения тамошнего начальства в том, что назад их примут с радостью – когда и буде они захотят.

Куафер по имени мсье Леонард, что с относительно недавних пор именовал себя визажистом, некогда прославился тем, что водрузил на голову одной знатной даме четырнадцатипушечный корвет со всей парусной оснасткой. К сожалению, во время Французского Переворота сия дама одномоментно лишилась и прически, и головы, что мать Бельгарда

сочла прескверным предзнаменованием.

— К тому же, я думаю, подобное сооружение отвлечет взор жениха от неких выдающихся черт лица невесты. Лучше будет, если он их всё же заметит — несколько облагороженными.

— Тем более что эти бесцветные... гм... лохмы так просто не отпустишь, а по причине редкого оттенка и не надставишь, — согласился мсье. — К счастью, подросши, они сами собой завились на кончиках. Сделаем невесте прическу «паж», или «боб», как известной Амели, подчеркнем серый цвет глаз — от природы он холодноват, но именно это и привлекает. Уберем смуглоту — для этого довольно светлой пудры и нескольких линий более темной, чтобы подчеркнуть линию скул. И, разумеется, нос — это же, пардон, суший молодой картофель, испеченный на солнце. Только поострее.

— Что, этот румпель подчеркнуть? — ужаснулась аббатиса.

— Напротив, сударыня. Я имею в виду, что он — моя основная забота, если уж нельзя его отре... Подвергнуть его небольшой пластической операции.

И в самом деле: искусно положенной пудры, сухой и жидкой, капли румян и локон, как бы случайно выпавшего из общей массы, было довольно для того, чтобы фас королевской невесты приобрел благообразие, а целеустремленный профиль — завершенность. Как говорится, минимум средств — максимум эффекта.

Пойдем теперь далее. Как известно, в монастыре запрещены зеркала – чтобы у его насельниц не возникало тщеславных помыслов. Но когда к своим трудам приступила одна из Великих Матерей «от кутюр», великолепная Аликс Гре, огромное стекло в рост человека таки пришлось установить, причем в самом главном святилище – зале для сбора всего франзонского капитула. Использовался этот зал редко, лишь когда Бельгарду одолевали финансовые или военные заботы общего порядка, к коим неизбежно должны быть привлечены епископы. Зал был оснащен также великолепным камином, обогревавшим лишь одну стену: вдоль по другим постоянно гуляли сквозняки. Хотя, с другой стороны, в разгар лета сие было даже кстати: мадам Аликс устроилась в апартаменте безвылазно, пуская к себе лишь подопытную Зигрид и поставщика особенных шелковых тканей, гибких и легких, ниток для скрупулезного ручного шитья и прочей галантерейной мелочи, включая еще добавочную пару зеркал – правого и левого вида. Повар появлялся на оккупированных мадам площадях куда реже.

Ма Аликс, мелкая, худенькая старушка с большим апломбом, завладела Зигрид окончательно. Бесконечные подгонки, драпировки, прищипывание складок, щелканье ножницами, скользкие полотнища редкостных цветов, что валялись под босыми ногами обеих женщин, лоскутная пыль создавали особого рода атмосферу душевной женственности. Для того чтобы работать с живым манекеном, мадам прихо-

дилось вставать на низкий табурет.

– Это же форменная дылда, – жаловалась мадам. – Именно то, что вошло в моду незадолго до моего отбытия на Поля Блаженства. Рост мужчины, костяк подростка. И помните: никаких высоких каблуков. Жених тоже статный, говорите? Ну-ну...

– Ни груди, ни бедер, – продолжала мадам. – И хорошо: девственная красота на пороге расцвета. Будущий спутник не должен полагать, что невеста уже выносила и выкормила по крайней мере двойню. Воздержимся от прямых указаний и ограничимся намеками.

– Какие выразительные руки, – продолжала она свой монолог. – Пальцы длинные, пластичность невероятная. Отращивать ногти и не пытайся, милая. Холеность твои грабельки обретут года через два, не раньше. Напротив: обрежь когти покороче и подкрась телесным лаком. Да я и сама это сделаю. А чтобы придать всему этому аристократизм, рукав мы опустим до половины кисти. Всё внимание пальцам, поняла?

– Ноги всегда соответствуют рукам, но это подол скроет, только не бей ими уж очень-то. Жениха тоже. Был бы каблучок – показались бы миньятюрней, ну да ладно. Большому корпусу – большая и подставка.

В конце концов, госпожа сотворила целых три туалета.

Для первичного просмотра – жемчужно-серое платье с пелериной, дополненное коралловыми бусами (в цвет глаз и губ). Оно навевало мысли о Морском народе, чья кровь лег-

ла в основу Дома Хельмута и с тех пор питала его силу, и в то же время придавало облику невесты некую мерцающую загадочность. Туфли были серыми, кожаными, очень простого покроя.

Для совместных выходов за монастырские стены – ансамбль лазурного шелка: юбка, блузон и накидка, дополненные аквамаринovým кулоном, оправленным в червонное золото. Золотистые шагреньевые ботиночки. Всё, чтобы попасть в тон жениху, говорила мадам. Он ведь у вас рыжий?

И, как увенчание каторжного труда, – платье для самой свадьбы.

Было решено, что не стоит злоупотреблять ни классическим белым, ибо скондийские гости примут его за траур, ни древнеримским красным, напомнившим Аликс о христианских мучениках.

– Хотя это самый лучший цвет для блондинки, – комментировала великолепная старуха.

Символикой цвета она, по правде говоря, не владела ни сколько – особенно вертской. Однако, выбрав для кружевного блию соломенный, почти желтый оттенок, свойственный лучшему ручному «валансьену», мадам попала в самую серединку мишени. Ибо сей тон здесь отнюдь не означал измены, как в европейском Рутене, но символизировал солнце, скрытое за утренней дымкой.

Одежда невесты была двуслойной: тонкий шелковый батист служил чехлом, мельчайшие складки на нем создавали

впечатление естественности. Само кружево совершенно такого же оттенка ниспадало вниз прямо и непреклонно, как струя замерзшего водопада, растекаясь по полу шлейфом. Древний силуэт одеяния, казалось, не позволял передвигаться, однако скрытые разрезы по боковым швам при нужде распахивали блию до самой талии, а его узкие рукава – до плеч. Застежки на подоле и запястьях были из редкостного белого янтаря – никакой показной роскоши невесте, хотя бы и царской, не полагалось. В том же стиле были выполнены и туфельки: кружевные и с небольшими янтарными пряжками. Пройти до алтаря хватит, как уверял башмачник.

Далее в игру вступил главный нос, или нюхач города Грас-са мсьё Зюскйн Фрагонар.

– У мадемуазель... О! У сэньи Зигрид очаровательный запах, подаренный самой натурой. Нет, не сена, отнюдь. И не хлева, как можно так шутить над собою. Привядшей зелени, ночных фиалок и неньюфар, а под всем этим – легкая теплая нота кожи. Последнее – мужской стиль, но мад...сэнье это пойдет. Подчеркнет все природные дары. Я составлю вам ваш личный парфюм, красавица моя, и, уверяю вас, это будет сногшибательно. Все кавалеры и дамы падут пред вами!

– Спасибо и очень спасибо, но вроде как лишнее. А на племенного быка по кличке Сэтон действует, как вы думаете? Вот ведь скотина зверская: уйму монеты потратили, а ныне хоть ты его охолости.

– Маэстро, – спросила мать Бельгарда, коя как раз случилась поблизости, – не имеется ли у вас еще и ароматических пастилок для жевания? Таких липких, знаете, чтобы ей хоть на свадьбе рот заклеили? Глядишь, за умную сойдет.

Вопросы эти относились, как вы понимаете, к разряду риторических.

Потому что не за горами был день показа. Точнее, нашему Кьяртану предъявили невесту уже на следующие сутки после завершения основных работ – дабы готовое изделие не успело испортиться.

Как был наряжен сам подневольный жених – не столь важно. Главное, что когда его завели в приемную аббатисы и поставили перед изящной, как плакучая ива, фигурой, задрапированной поверх своих кораллов и жемчугов в полупрозрачную вуаль, он опешил и даже несколько отступил назад. Бьярни же с ходу выпрыгнул из ножен и оборотился голым мальчишкой в шортиках и с каким-то длинным чехлом через плечо.

– Что ты стал-то, братец? Бери, коли уж куплено.

– Ты уверен, что я покупал именно это, побратим? – полупшепотом спросил король. – Как бы наша досточтимая тетушка добавки не потребовала.

Однако тут покрывало откинулось напрочь, Зигрид усмехнулась и подала ему руку.

– Не хотите ли свежего лимонада, мой король?

– Лимоны вроде как не созрели, – ответил он. – Не сезон,

однако. Или у вас в оранжереях это стало возможным?

– Да, когда судьба того пожелает. У нее на нас лимонов наготовлено в достатке, однако, даст Бог, и сахару найдем.

На том и порешили: искать сахар. Ровно через месяц, в первую ночь после свадьбы.

Однако жизнь, как водится, внесла свои коррективы.

Известно, что перед самым венцом обрученных разводят по разным углам, сколько до того они ни общались. Правило это не каноническое, только одно дело мирянин, а другое – сам король, фигура практически сакральная.

Так что хоть Кьяртана с его верной Белушей охраняли не весьма, но вот невесту держали в самом секретном месте монастыря. В башенке бездействующей колокольни. Ибо венчание было решено провести тут же, в старинном кафедральном соборе аббатства, своей красотой превосходящем и столичные.

Тем не менее перед самой торжественной церемонией, какую могли придумать воспаленные мозги королевских подданных, в девичье оконце, что находилось в трех человеческих ростах от земли, отчетливо постучались. Зигрид подошла и глянула.

– Кьяр, тебе чего? Вечер, поздно уже. Да ты заходи, коли уж здесь.

– Не надо, я на выдвижной лестнице стою, там стакан из решетки наверху.

– А, это ж наша ремонтная. Пожертвование ба-нэсхин.

– Точно. Слушай, я придумал, как им всем под конец нос натянуть.

– Нет, правда?

– Я тебя сейчас украду и увозом женюсь. «Коли уж зонтика нет, лезь в пруд» называется.

– Слушай, а это дело. И придраться не сумеют – мы ведь по их пожеланиям окручены. Только как?

– Ты на каком этапе? Уже в платье сидишь?

– Лежу в платье и прическе, голова на таком жестком валике. То есть уже не лежу.

– А в макияж этот – макнули уже?

– Нет. Это завтра, между мантией и фатой. Первую мне еще не показали.

– Черт, вот зачем у меня старую королевскую одежду с горностайнными хвостиками из гардероба вынули. А фата?

– Здесь.

– Самое главное после обручальных колечек. Давай.

Кьяртан смотал в клубок драгоценное творение мадам Аликс и сунул за воротник черной косухи.

– Полежай сюда. Там внизу Бьярни управляется.

Девушка перелезла через подоконник, завернув юбки наизнанку. Механизм чуток скрипнул и пополз к земле.

– Ох, добро хоть решетки посоветились на окна ставить. А дальше куда? – спросила невеста.

– Тут у меня Белуша ждёт в грядах черной смородины.

Ворота не заперты – свадебных гостей принимают. Сами гости тащатся вялой струйкой, что нам тоже на руку. Сторожиha – наш человек. Морской. А потом... Фарсангах в пяти есть большой старинный храм. Там мой друг настоятелем. Прихожан у него немного, так что он будет только рад поработать.

– Подработать.

– Ну да. Ты как, исповедалась попу, что ещё дева? Потом некогда будет.

– Вчера. Вот только не уверена, что после Белуши ею останусь.

Кьяртан прыгнул в седло, заткнул кинжал за пояс, нацепил шлем.

– Садись мне за спину. Там сиденье эр... эргономичное, под любую задницу подстраивается. Платье подбери, а то на спицы наматает. Шлем твой – вот.

Белуша мягко рыкнула – сказывалась ее прирученность – и легко тронулась с места.

Байк плавно устремлялся через поля и леса, прорезая тьму янтарного цвета фарами. Наконец, Кьяртан затормозил у темного здания в готическом стиле и слез. Бьярни мигом перевернулся в мальчишку, причем одетого: на сей раз ножны у него белые, как мое платье, торопливо отметила ЗиGRID.

– Давай. Он ждет.

– А свидетели?

– Обещал доставить.

– А кольца?

– За кого ты меня принимаешь? Уже у него.

Говоря так между собой, они торопливо шли по каменным плитам дороги. У самого портала перекрестились, юноша рванул на себя высокую дверь – ...И орган торжественно и торжествующе взревел, возгласив прибытие брачующихся.

Тут же зажглись тысячи свечей в канделябрах, алый ковер будто сам подкатился им под ноги.

Сидений не было уже давно – видимо, то, что не доел червь, пустили на растопку. Каждая пядь пола с его знаменитым шахматным рисунком была занята нарядными фигурами. Священник, улыбаясь, ждал в разукрашенном алтаре.

– Подстава, – чертыхнулся Кьяртан, торопливо вытаскивая фату из-за пазухи и напяливая невесте на голову. – Засада. Ведь это ты, братец, нас продал.

– Вовсе нет, – с наглечой хихикнул Бьярни. Он уже отбежал от побратима на безопасное расстояние и теперь цеплялся за невестин шлейф. – Они и без меня знали, я только тебе о том не сообщил. Очень уж охота была дружкой побывать. И кадуцеем бога Меркурия, что покровительствует любовникам. И свечкой... Поддержать ее, вестимо.

– Вот и держи как следует, не тяни подол на себя, – гневным полушепотом произнесла невеста. – Из-за тебя, сквернословца такого, я свадебный букет не получу.

– Как то есть не получишь? Эй там, в рядах!

В глубине человеческих масс возникло шевеление, и откуда возник и двинулся прямо к невесте желтый сияющий круг на палке. Когда он оказался в руках Зигрид, оказалось, что это огромный, только распутившийся подсолнечник, туго набитый молочными семенами, – знак чадородия.

Свидетели стали за молодой четой: у Зигрид был мой Торригаль, у Кьяртана – сама мать аббатиса.

И обряд начался без помех и задоринок.

Правда, король слегка покривился на сторону, когда их с лаборантой на мгновение соединили золотой кандальной цепью, но ее тотчас убрали. Жених надел невесте на палец кольцо с морским жемчугом-барокко, невеста жениху – перстень с плоским изумрудом, похожим на пойменный луг. Знаки обоюдных приобретений, так сказать. По счастью, в Вертдоме было не принято окольцовывать голым золотом.

Ну, а потом свежоотчеканенную королевскую чету тут же, среди глубокой ночи, отвезли в стольный город Вробург, расположенный неподалеку, однако не в цитадель, а в один из пригородных особняков, отвели в специально приготовленную для нее комнату и уложили в просторную, как площадь, кровать с балдахинном.

И, разумеется, Кьяртан не пожалел сил, чтобы отплатить в лице своей нежной спутницы жизни всем тем властным женщинам, кои обротали его, и взнуздали, и накинули седло, крепко-накрепко затянув подпруги. Битва сия длилась с переменным успехом до утра, чтобы ненадолго прерваться

ради свадебного пиროвания, потом до вечера и до следующего по счету утра. И хотя король показал себя бывалым воином, вполне достойным своих великих предков, его милая соратница и соработница не отставала от него в ратном труде и обороне, в ложных отступлениях и рекогносцировках, в атаках и рассеивании сил противника. Одной этой долгой медовой ночи хватило бы, так нам кажется, чтобы произвести дюжину потомков: однако они появлялись в течение шести лет. Ибо королева, по старой привычке к выращиванию богатых урожаев, зачинала всякий раз пару близнецов, причем по большей части вышедших не из одного яйца, но из двух разных. Звали их Фрейр и Фрейя, Бельгард и Бельгарда, Моргэйн и Моргиана, Таласси и Талассо, Ситалхи и Ситалхо, Филипп и Филиппа. Это изобилие потомства грозило разорвать страну на клочки или установить в ней республиканский строй, что означает практически одно и то же. По счастью, все дети были рождены с морской солью в крови: сильные и гибкие, они грезили странствиями и путешествиями, безразлично – по воде или посуху, и не единожды пересекали границу своего мира.

Что же до их родителей...

Вот тут-то нас и одолели сомнения и угрызения – стоило ли отклонять путь обоих туда, куда пожелалось нам. Ибо когда крестникам знаменитого рутенца Фила, что сочинил наш мир, исполнилось по десяти лет, королева постриглась в монахини и вскоре сделалась преемницей слегка постарев-

шей Бельгарды на ее торном пути – как того и хотели обе. Король же, вручив корону Фрейру и отыскав ему достойную супругу, по чистой преднамеренной случайности носившую имя его сестры-близнеца, отбыл на Землю Колумбана, где и постригся в простые монахи. Должно быть, там он вволю играет в свои железные игрушки, последнее время слегка поднадоевшие вертским обывателям, укрощает полудиких бафархов, что резвятся рядом с ним в морской пучине, и ухаживает за садом, который вольно раскинулся вокруг гробницы святого. Побратима с ним нет, хотя они регулярно переписываются, а Бьёрнстерн даже ездит в гости к хозяину Морского Народа. Мой сын, кстати, уже вырос и в парадных клетчатых ножнах глядит истинным шотландцем по прозвищу «клеймор».

И как нам, трем женщинам с четвертой, теперь узнать, была в самом деле любовь между обоими нашими детьми – или только скрепление обоюдных лукавств и поединков хитроумий?

Никак.

Ибо мы ныне в том окончательно уверились.

Подсолнух, что не закрылся во тьме и светился в ночи как солнце.

Сухие молнии, то бишь зарницы, что и посейчас изредка перелетают через половину вертдомского неба, соединяя мужское островное братство Святого Колумбана и женский монастырь Мармустьер, который называли одно вре-

мя Маимустьер, что можно было понять как Maius Monasterium, то есть самый славный монастырь; ибо поистине не было во всем Вертдоме монастыря прекраснее.

Вот этими слегка перефразированными словами маэстро де Бальзака и позвольте мне, уважаемый читатель, закончить сию нравоучительную повестушку о...хм... **настоящивости в любви.**

И, так сказать, перейти к основной части доклада.

Камень Большого Орла

Любовь – это беседа, в коей обоюдное наслаждение становится новым изысканным языком двоих.

Отец Эригерон Колумбаниус

I

Старуха медленно и величаво идет по направлению к моей одиночной келье. Волосы спускаются на морщинистое коричневое лицо неряшливыми серыми прядями: яблоко, испеченное в золе остывшего костра. Старый халат из рыбьей кожи запахнут сикось-накось, а уж кому, как не мне, знать, что стоит ей только пожелать, – нет, только сделать вид, что она желает, – и ее мигом обрядят в пурпур и виссон. Тончайшие волокна мантии биссуса, густо пропитанные жидкостью моллюска багрянки. Два вида древнейших вертдомских раковин. Две чудовищно дорогих вещи, по представлениям наших больших друзей рутенов. Антикварно дорогих. Знак верховного священства. Эталон драгоценного безумия.

Верховная сакердотесс ба-нэсхин. Священная шаманка Морского Народа. Такая важная, что у нее уже и самого имени-то не имеется. Лет десять назад ее величали здесь Фиб-

флиссо – если мне удастся этими губными и межзубными звуками передать то, что вылетает из дыхала разумных дельфинов, наших ба-фархов. У Морского Народа есть легенда (у них на все случаи жизни имеются подходящие легенды), что это Водные Кони научили моих людей, ба-нэсхин, разумной речи.

Пять лет назад мою бабушку еще звали Библис. Десять – Верховная Мать Библис. Двадцать – Именем Энунны Одна из Трех Соправительница Библис, дочь Хельмута и Китаны. До моего сакраментального рождения она была Библис-Бахира умм Моргэйн бинт Амир Арман ал-Фрайби Энунния. То бишь Библис, урожденная Бахира, владетельница – иначе говоря, мать – принца Моргэйна и приемная дочь короля (точнее – Амира Амиров) Армана из Фрайбурга, жрица богини Энунны. Уф.

По мере возвышения сии пышные имена одно за одним слетали с моей бабушки, точно осенняя листва. К чему они ей, единственной в своем роде?

Редкостная красота ее, однако, еще сохранялась довольно долгое время. У служительниц богини земного плодородия и любовной ярости это длится до тех пор, пока с этого имеется хоть какой-нибудь прок. А потом как-то вмиг спадает с плеч, равно как изысканный наряд, закрывающий статную фигуру вплоть от шеи и кистей рук и до самых пят.

Так что теперь моя царственная матушка Мария Марион Эстрелья выглядит куда моложе нашей колдуньи, чем на ка-

лендарный год, который их на самом деле разделяет. А про мою воспитательницу Стелламарис, нашу «железную леди», и вообще речи нет. Не увядает, хоть ты сам в прах рассыпся! Только мужает, если можно так выразиться о женщине. Металл в голосе, упругость стальной пружины в теле, серебряное свечение на дне глаз. И вечная рыжина в косах – почти как у меня самого, только поярче и совершенно без седины.

Ну, я-то, несмотря на долгий седой волос, еще мужчина в соку, хотя хорошо уже заглубился в свой четвертый десяток. (Тем более, природной лысины не имею и тонзуры не брею – в моем ордене это не принято.) И хранит меня таким мое отшельничество, мое милое монашество, мое избранничество среди равных. И моя откровенная неженатость.

А самое главное – мои ба-фархи. Супердельфины, как выражается мой юный друг из Рутена. Разумные животные, которым это определение пристало гораздо верней, чем рутенским. Как бы даже и не животные более. Добродушные, но умеющие яриться в бою. Покладисто несущие не такую уже удобную пеньковую сбрую, которая позволяет нам с головокружительной скоростью нестись по волнам на их крутой спине, сжимая ногами крутые бока. Пожалуй, ба-фархи не уступят размером легендарному индийскому слону, только что стихии этих двух видов несовместимы. И мощь наших друзей почти не встречает преград, в отличие от силы сухопутных тварей.

Да, а моя прародительница тем временем ещё идет, куда шла... К тесным рядам то ли индейских типи – но куда круглее и без перекрещения прутьев вверху, то ли эскимосских иглу, но без снега, то ли просто степных юрт. Наше тесное общение с миром Рутен обогатило нас множеством понятных всем терминов и сравнений.

Более всего наш малый монастырь похож на старинный ирландский или вообще кельтский. Гробница святого Колумбана под высоким куполом-ротондой, натурфилософская лаборатория и вокруг них – стадо малых круглых скорлупок из прутьев, иногда обтянутых кожей погибших бафархов, но куда чаще – гладко выделанным войлоком.

Вообще-то наша безымянная покровительница и сама живет здесь. Единственная среди нас дама.

Нет, мы бы с радостью поселили ее отдельно, более того – вырастили бы ради нее одной кольцевидный коралловый дворец, в каких обитают островные и прибрежные ба-нэсхин, а теперь еще и мои дорогие мальчики. В самом начале так строились капища и хранилища древней памяти – своеобразные библиотеки из размеченных особым образом раковин. Ручные коралловые полипы начинают это строительство на самом дне моря, доводят до уровня соленой воды и потом как бы поднимают, надстраивают этажи снизу. Селятся они сами в морских этажах, где вечно колышется и переливается вода, предоставляя людям вытачивать помещения в узорном теле надводного рифа. Обставлены эти люд-

ские залы почти так же непритязательно, как и наши одиночные клетушки, хотя потолки не в пример выше: там готические своды, здесь – закопченный дымом потолок, где в самом высоком месте пробита дырка для выхода дыма, а в прочих едва умеешь разогнуться. Плоское ложе для сна, тощая подушка для сиденья, столик для чтения, письма и еды. И немислимо щедрые звёзды...

Поистине, спрашиваю я себя, прежде чем отойти ко сну, не одно ли и то же бессмертное синее небо над Виртом и Рутеном, даже если на нем сияют иные солнца?

Только наша повелительница не хочет дворцов. И вообще держит себя так, чтобы с **гарантией** уберечь нас всех от **соблазна**. (Снова рутенское, торгашеское слово. Оба из них.) И даже так, чтобы я, в наилучших колумбанских традициях, не испытывал к ней никаких родственных чувств. Одни деловые.

Ибо тут я преуспеваю в своих начинаниях – так же, как преуспела в своем далеком сельскохозяйственном монастыре моя многоплодная супруга.

– Ну, что скажешь, ученый брат Каринтий? – говорит Старшая.

Она почти никогда не здороваается: не любит тратить время напрасно. Зато уж не упустит шанса – непременно уязвит меня за главное моё здешнее прозвище. Я вполне мог бы, по ее мнению, оставить прежнее королевское имя – Кьяртан. Или, на худой конец, взять одно из принятых у здеш-

них братьев растительных имен. Тех, благодаря которым наша обитель если не по виду, то на слуху кажется цветущим садом. Брат Джунифер, то есть Можжевельник, брат Эвфорбий – Молочайник, брат Лизимахий – Вербейник, брат Котонеастер – Кизильник, отец Бергений – Бадан, отец Артемизий – Полынь и отец Саксифраг – Камнелом. . . . А еще брат Эпимедиум – Горянка, братец Арункус – Волжанка (река такая есть в Рутене – Волга) и, как венец всего, наш пресвятой аббат, отец Эригерон, то есть Мелколепестник.

Для меня сие поначалу было куда как смешно, это теперь я свыкся.

– Знаешь, лэлелу (то есть мать отца), всё подтверждается не только экспериментально, но и статистической выборкой. Первое поколение метисов, неотличимое от нас и рутенцев, – норма. Просто исключений из нее слегка больше привычного для нас.

– Да, но зато какие исключения, – проворчала она. – Шило в мешке.

– При тамошнем разбросе антропологических и сексуальных признаков. . .

– Перестань грузить меня чепухой. Красоту и уродство – Вертдом всё своё может забрать от рутенцев назад. Но как отследить дальнейший переход скрытого в явное? Они же новых детей рожают, наши внедренные любимцы. И новые опасности нам создают.

– Ты имеешь в виду – переход латентных признаков в до-

минантные благодаря перекрестным союзам помесей? Я же говорил тебе...

– Внучек, ты окончательно испортился здесь, на границе Истинной Земли и Радужного Покрова. Этот твой ученый жаргон становится непереносим.

– Лэлелу, все свойства Морской Крови остаются потаёнными, нисколько при том не растворяясь в иных кровях. Наши дары не стираются из памяти плоти.

– Вот это то, что от тебя во всех смыслах требовалось. И дело, и его истолкование.

Бабка проходит мимо меня, кланяется порогу. Неудивительно – дверной проём, заброшенный толстым одеялом, весьма низок. Тут я только сплю – биологические исследования и эксперименты мы проводим в нормальных условиях.

И вот что конкретно означает наш с бабушкой разговор.

Подтвердилось интуитивно сложившееся мнение первых монахов о том, что ба-нэсхин – никакие не диморфы и тем более не андрогины. Истинные мужчины и настоящие женщины. Вот только та стадия внутриутробного развития человека, на которой признаки одного пола авторитарно противопоставляются и вытесняются признаками другого, у них как бы полустерта. В результате мужчины почти безбороды, узкобедры, грудная железа у них латентно активна, вагина представляет собой как бы узкую полузаросшую складку, а эмбриональная матка – плотный мускульный желвак. Достаточно гормонального всплеска, чтобы развитие этих трех ор-

ганов пошло по женскому пути. В то же время женщины отличаются от мужчин несколько более широким отверстием внутреннего таза, хотя внешне лишь наметанный глаз может порой уловить внешнюю разницу. Регулы беспокоят их не двенадцать, а лишь четыре или даже два раза в год, что еще более сближает жен с мужами и позволяет обоим полам участвовать во всех важных делах наравне. Груды их – более широкие в основании, с крупными темными ареолами и выпуклыми сосками. Их клитор имеет особого вида наружный проток, обыкновенно не бросающийся в глаза. И опять-таки: в экстремальных случаях клитор набухает много более, чем то возможно для сухопутной женщины, внутренний и внешний протоки раскрываются, и плодоносный секрет, *почти что одинаковый* у обоих полов, становится способен отыскать себе иную дорогу вовне.

Как результат, мужчина становится способен принять семя и понести дитя от другого мужчины. Также и подвергнувшаяся изменению женщина способна отдать такому трансформанту свое семя (или яйцо?), и оно, быть может, приживется. Однако никакая *ба-инхсани* не сможет забеременеть от другой *ба-инхсани*. Тут природой кладется предел. Как мы думаем, мужская детородная жидкость всё-таки несколько более подвижна, хотя и куда менее жизнеспособна по сравнению с женской. Кроме того, жены способны рожать лишь жен, и это невыгодно природе. В общем, налицо смазанная картинка того, что мы наблюдаем у сухопутных лю-

дей.

Но вот нижеследующее, напротив, проявилось у морских куда более четко, чем у обычных вертдомцев – и у обыкновенных рутенцев.

Самое главное в определении пола Морских Людей – не способность к производству себе подобных. Нет. Только и исключительно – строение хромосом клеточного ядра. Икс и игрек, икс и икс...

Сплошной **икс**, в общем.

И что до сих пор повергает нас, ко всему вроде бы привычных, в шок – это способность помесей отчасти наследовать детородное умение их морского прародителя. Способность, коя проявляется скрытно, спонтанно и непредсказуемо, под влиянием как бы некоего порыва души.

Я боюсь сказать – под действием любви...

За то время, что я излагал некоему воображаемому слушателю все сии обстоятельства, наша Верховная Дама обогнула меня с левого борта и вошла под мой кров. Где, повинуюсь (вовсе не тот стилистический оттенок – однако не найду более подходящего слова), я повторяю – повинуюсь моему указующему мановению, она заняла единственную в шатре подушку для сиденья. Я тотчас плюхнулся на голый грунт напротив.

– Ну, ты мне с порога выложил всё, что имел сказать, – заговорила она ворчливо. – Чего дальше-то от меня ожида-

ешь? Что похвалю за удачу экс... научного эксперимента на живых объектах?

– Нет, что не убьёшь.

– А стоило – за одно упрямство твое ослиное. Я ведь тебе сразу говорила: это получится.

И вот я мысленно переносусь на шестнадцать лет назад.

В прекрасный город Ромалин, заново отстроенный как моя столица и резиденция.

В мир, где я – молодой король, гордый своим высоким саном, своей статной супругой, двумя своими первенцами. Которых только что принесли с высокого родильного помоста и положили мне на руки, ожидая признания и одобрения.

Мальчик и девочка. Два неотличимых друг от друга комочка, уже отмытых от первородной грязи и облаченных в сплошной атлас и кружева. На дворе, слава Всевышнему, лето, не то что когда я сам рождался. Тогда приходилось костры вокруг ложа моей будущей мамочки палить.

– Прекрасные близнецы, – сказал я, чувствуя, что от меня именно того и ожидают. – Дети нашей взаимной приязни. Фрейр. Фрейя. Фрейр и Фрейя.

Бог и богиня любви у наших вертдомских вестфольдеров.

В память погибшего отца моей чудесной старшей сестрицы Бельгарды – или кто там она еще. Во всяком случае, уж не тетушки. Родственные связи наши по-королевски запутанны.

А потом ко мне подошла моя личная бабка. Та самая, которая и родила саму Бельгарду от Фрейра-Солнышко. В обрисовывающем юные формы жреческом платье цвета выдержанной слоновой кости и винноцветном покрывале на каштановых волосах.

Каштановые, кстати, – очень вежливый эвфемизм для «рыжих». Ибо мы с ней оба такие.

А винноцветное (это рутенское словцо я стащил у их драматурга Кляйста) – значит цвета белого вина, желтоватое, как море, – и ни в коем случае не красное. Хотя в Рутене есть и такое диво.

– Что, доволен по самые уши, Эстрельин отпрыск? – произнесла она сурово. – Пойдем к тебе в спальню, потолкуем.

Малая, так называемая «самоцветная» спальня – единственное место, где король может остаться в интимном уединении: не настоящем, но вдвоем с королевой, это да. Но после родов мою Зигрид перенесли в специальный Чистый Покой, где будут спасать от возможной родильной горячки. Дети будут там с нею и с обеими кормящими няньками. Кормить вообще-то собиралась она сама, только вот на двух таких инфантильных обжор никакого материнского молока не напасешься.

Войдя под сень широченного балдахина, я плюхнулся на парчовое покрывало как был – в суконном камзоле косого кроя, плотных байкерских штанах и мягких полусапожках. Бабка с удобством устроилась на широкой тумбочке для бе-

ля: стан прям, руки сложены на высокой груди, ноги скрещены, одна для надежности касается пола.

– Я вот что сказать собираюсь, внучек мой. Знаешь, что Рутен последние годы всё дальше от нас уходит?

– Со скоростью горного ледника в нашей Земле Сконд.

– И что Радужная Вуаль между обоими вселенными становится год от году толще и труднее для преодоления?

– Не совсем так, о почтенная жрица. Вуаль прикрывает ленту Мебиуса, а там, в самой ленте, просто нет никакого объема. Это обычный знак кривого пространства.

– Искривленного. Ты нерадивый ученик.

Вовсе нет: я просто издевался с вышины моей заново обретенной мужественности.

– Послушай, бабуль, мы уже давно это знаем. Что хотя существование Рутена больше не зависит от Вертдома и вертцев, а вертское от рутенского – и подавно, шляться туда-обратно становится всё труднее год от года. Шлюпка дрейфует в сторону от большого корабля. Закон природы, наверное.

– А тебе не приходит в голову, что это стоило бы еще больше замедлить? Ради тамошней медицины, точных знаний, искусств их многообразных, во имя их опоганенной, только невероятно богатой природы. Ради твоих механических игрушек, наконец.

– Лелэлу, мне нет ни нужды, ни охоты сейчас это обсуждать. Говорили мне вчера наши преподобные ассизцы, что уже близки к решению...

– Как кожа к телу. Сегодня как раз меж собою договорились.

– О. Совсем другой десерт. А какое оно?

– Решение? Взять две разнополых двойни – рутенскую и вертдомскую – и поменять местами. Их девочку нам, нашу – им. Между единоутробными детьми образуется некая прочная душевная связь – это уже две связующих нити, как бы вертикальные. А коли мы перевенчаем новые пары внутри себя – еще и по горизонту соединим.

– Снова деток воровать? И брата с сестрой незаконно сочетать?

– Наши подчиненные рутенцы согласны. Эта семья непременно должна взять из детского дома двойню, иначе им не позволяют. Вожделенный ими мальчик – воистину прекрасный приз, а девочка крайне слаба.

– У нас она не легче загнется?

– Нет. У нее врожденное удушье от зараженного воздуха, в Верте эта астма пройдет без следа.

– И еще брачный вопрос. Здесь родное дитя никогда с приемным не путают, а у рутенцев имеется эта... тайна усыновления.

– На сей счет тоже имеется договор. Родители в случае уже назревающего развода делят детей и присваивают им свои родовые имена.

– Похоже, на то им двойня и понадобилась. Хитро задумано.

– Разлучившись, не разлучаться, – туманно выразилась бабка.

– Так, – меня вдруг осенило, что рутенский вопрос, говоря строго, нас обоих не касается. Жрицы и монахи решили, мама Эсти подтвердила, а меня только ставят в известность. Ради одного этого срочно вызывать счастливого папашу на приватный разговор не стоит.

– Бабка Биб. Кто наша пара?

– Твои наследники.

Полный удар под дых, как сказал бы мой меченосный прадед.

– Так... это... Святая б...дь!

– Это ты ко мне обращаешься? – спросила бабка до крайности вежливо.

– Нет. Просто междометие вырвалось.

Я кое-как собрался в кучку. Не привыкать: король – не простой человек. Вообще не человек, наверное.

– Прости. Я, разумеется, еще не успел к ним привязаться, на то и отец... типа – не мать, что родила... Опять же и долг повелителя...

Ага. Понесло вразнос.

– Мне же их только что на руки положили. Только что показали.

– Неужто и впрямь?

– Неужто ты не заметила? – ответил я с сарказмом. – Дали, дали полюбоваться. Уже и прозвания им нарек. Зигрид меня

весь последний месяц натаскивала. Чтобы не сбился.

– Нет, я повторяю: самих деток показали? Или одну только парадную обертку? Э, да чего с вас взять, мужчин...

– Приду сегодня, полюбуюсь, как мыть станут. Морду в сторону наклоня, чтобы нечистым своим дыханием анималькулей в младенческую неокрепшую плоть не внедрить.

– Не выкаблучивайся. Микроб – вполне хорошее слово. Или инфузория-тапочка... Да, так о чем я? Повтори-ка, чем тебя обрадовали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.